

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 924-932, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (470.6)

**The formation of the religious infrastructure of cities of Kuban and Black Sea region
in the context of the development of cross-cultural dialogue
(the middle of XIX – beginning of XX century)**

¹ Sergey L. Dudarev

² Sergey N. Ktitorov

¹ Armavir State Pedagogical University, Russian Federation
R. Luxemburg street 159, Armavir city, Krasnodar Krai, 352900
Dr. (History), Professor
E-mail: dudarev51@mail.ru

² Armavir State Pedagogical University, Russian Federation
R. Luxemburg street 159, Armavir city, Krasnodar Krai, 352900
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Abstract

The article studies the problems of development of inter-confessional dialogue in the context of the multiethnic composition of the population of cities of Kuban and black sea region of the late XIX – early XX century are. Studied organization and the specifics of the religious life of Russians, Armenians, Germans, Poles, Tatars, Jews and representatives of other ethnic communities of the cities of the region. Shows the process of development in the urbanized environment of intense cross-cultural interfaith communication, which are developed on the basis of mutual respect and close cooperation. Analyzed constructive models of interaction and cooperation of representatives of different faiths. Studied confessional structure of the population the most important urban centers of the region and shows the construction of the temples. The authors conclude that the efforts of state and local authorities, despite the declared supremacy of Orthodoxy, actually was maintained and defended religious pluralism, allow the development of the variety of national cultures.

Keywords: religion, confessional infrastructure, acculturation, religious pluralism, ethnic and religious structure, cross-cultural communication, ethnic tolerance, Russian statehood.

Введение

Важнейшей причиной формирования многонационального и поликонфессионального облика Кубани и Причерноморья явился активный и все возрастающий колонизационный приток сюда переселенцев. Толчком к нему послужили: отмена в России крепостного права (1861 г.); окончание вооруженных действий по покорению Закубанья (1864 г.); массовый уход кубанских горцев мухаджиров в Османскую империю (1859-1864 гг.); разрешение иногородним лицам селиться и приобретать недвижимость на казачьих землях (1868 г.); проведение первой в регионе Ростово-Владикавказской железной дороги (1875 г.); строительство Новороссийско-Сухумского шоссе (с 1891 г.); развитие рекреационной сферы на черноморском побережье (с конца XIX в.) и ряд других факторов.

Узлами миграционных процессов, точками притяжения и концентрации пришлого населения служили, прежде всего, города, превращавшиеся в этот период из преимущественно военно-административных центров в торгово-промышленные пункты, места развития образования и культуры, курорты. Именно сюда, начиная со второй половины XIX в., устремлялись массы переселенцев из различных уголков России и заграницы, поскольку города в силу присущей им многофункциональности обладали обширной и сложной экономической структурой, позволявшей

большинству жителей найти работу. Кроме возможности заработка и коммерческой деятельности приезжих привлекали удобства городской жизни, стремление приобщиться к достижениям культуры, получить соответствующее образование, участвовать в общественно-политических процессах, иметь насыщенный досуг и широкий круг общения.

Поскольку в миграционных потоках участвовали люди разных национальностей, в городах обычно формировался полиэтничный и поликонфессиональный контингент жителей. Кроме русских, составлявших большинство городского населения региона, здесь возникают общины армян, немцев, греков, евреев, поляков, татар, кавказских горцев, грузин, чехов и др. Именно урбанизованная среда, быстро формировавшаяся на Кубани и в Причерноморье со второй половины XIX века, стала зоной интенсивного межэтнического и межконфессионального взаимодействия, где рождались новые явления культурной интеграции, определявшие уникальную специфику регионального социума. Актуальность исследования данных процессов состоит в том, что анализ практик кросс-культурной коммуникации в исторической ретроспективе является необходимым условием для выявления точек соприкосновения интересов представителей различных народов, путей и способов урегулирования межэтнических, а также межконфессиональных коллизий.

Материалы и методы

Наиболее важным материалом для работы послужили данные статистических и справочных изданий конца XIX – начала XX в., содержащих сведения о специфике этнического состава и конфессиональной инфраструктуры городов Кубани и Причерноморья.

Применяемые в исследовании методы включают в себя общеисторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, хронологический) и общенаучные (метод восхождения от абстрактного к конкретному, статистический метод, анализ, синтез, индукция, дедукция). Большое значение в работе имеет комплексный междисциплинарный метод, заключающийся в привлечении материалов и подходов целого ряда дисциплин: истории, этнологии, урбанистики, лингвистики, культурологии, архитектуры и т.д. Особую роль в исследовании играет метод городских экскурсий. Этот подход основывается на том, что город как сконцентрированное общественное пространство представляет собой самостоятельный объемный многофункциональный источник информации о себе самом, т.е. о своей истории и современности. В процессе экскурсий-исследований ученый входит в непосредственный зрительный, эмоциональный контакт с объектом изучения, постигая его историческую и культурную сущность. Использование метода городских экскурсий дает ценную информацию об особенностях традиционной для представителей отдельных народов застройки и архитектуры, этнической топографии населенных мест, о конфессиональной специфике жителей отдельных районов и т.д.

Обсуждение

Вплоть до настоящего момента в историографии отсутствует комплексное исследование процессов формирования и специфики конфессиональной инфраструктуры городов Кубани и Причерноморья второй половины XIX – начала XX в. Данная проблематика изучалась применительно к историческому прошлому лишь отдельных центров региона. Поликонфессиональный состав жителей, храмовое строительство и проблемы межэтнического взаимодействия в Екатеринодаре с разной степенью подробности исследовали В. Бондарь, Н. Макаровская, А. Филиппова, В. Бардадым, А. Селиверстов. В контексте освещения истории других городов региона указанные вопросы рассматривали: А. Зорина, А. Герасименко и Л. Селиверстова (г. Новороссийск); А. Гусева и И. Тверитинов (г. Сочи); С. Ктиторов (г. Армавир); Н. Радионова, К. Тюников и Г. Климентьев (г. Ейск).

Результаты

При рассмотрении поликонфессионального состава населения российских городов Северо-Западного Кавказа и Причерноморья, объективности ради, следует заметить, что еще Османская Порта, в целях укрепления своего влияния в этом регионе, постепенно формировала полиэтничную среду вокруг своих городов-крепостей (Анапа, Темрюк, Эски-Копыл, Ени-Копыл и др.), «стремясь тем самым размыть племенные различия адыгов, ослабив традиционный уклад их жизни». Впрочем, вокруг османских укрепленных пунктов жили не только адыги. Темрюк, например, имел пригород, именуемый «варош» (род российского форштадта, т.е. крепостного предместья), в котором было около 60 домов [1]. Сам термин «варош» характерен для венгерского языка, но встречается и в славянских странах (Словения, Западная Украина), возможно, как проявление мадьярского влияния (это только наше предположение). Как бы то ни было, для того, чтобы ослабить межэтническое напряжение, в 1808 г. османами был принят указ, запрещавший употребление бранной клички «гяур» при обращении к христианам, а согласно другому указу сбор хараджа¹ был изъят у откупщиков

¹ Это традиционно выплачиваемый налог на землю в мусульманских странах в средние века; на Северо-Западном Кавказе, скорее всего, утратил жесткую связь с землей (платившие его греки и армяне занимались здесь, прежде всего, торговлей) и слился, по сути, с джизьёй (подушным налогом на немусульман).

и передан в ведение греческого и армянского патриархов. Языком межэтнического общения здесь служил в то время тюркский (татарский) язык, который позднее был заменен русским [2]. Иными словами, еще до российского освоения региона формировался опыт межэтнической коммуникации, который по необходимости (стремление к стабильности и выгоде) требовал смягчения жестких конфессиональных установок в отношении иноверцев, идущих из мировых религий (в данном случае, из ислама).

В российское время полиэтничность превращается в главную структурообразующую характеристику крупнейших городских центров региона – от Новороссийска и Екатеринодара до Владикавказа и Порт-Петровска (с 1922 г. Махачкалы). Она – неотъемлемая черта урбанизма, который для северокавказского региона был и остается наиболее действенным средством интегрирования в универсализм, важным условием для формирования «русскости», с ее синкретическим взаимодействием и взаимовоздействием этносов, преодоления традиционализма, имеющего исторически сложившуюся высокую степень конфликтности [3]. Постоянное взаимодействие жителей на межличностном и межгрупповом бытовом и официальном уровнях создавало толерантное в своей основе коммуникативное пространство, в котором формировалась особая атмосфера этнопсихологического комфорта, влиявшая, в свою очередь, на складывание коллективной ментальности горожан. Интенсивная кросс-культурная коммуникация, в поле которой с каждым годом вовлекались все новые партнеры по межэтническому общению, расширяла горизонты сознания людей, ломала многие стереотипы в восприятии иных мнений, вкусов и убеждений [4].

Чрезвычайно важным было приобщение к городской жизни представителей автохтонных этносов. Переселяясь в города, они приходили к осознанию, что жизнь в урбанизированном пространстве взаимосвязана и взаимообусловлена с другими представителями местного социума и путь к адаптации в нем – это «путь дифференциации, специализации социокультурных групп и профессиональных ролей» [5], иными словами, нахождение здесь своей ниши, пребывая в которой, та или иная группа городского общества может не мешать другой, но, напротив, взаимодополнять ее своими позитивными вековыми специфическими умениями и навыками.

С другой стороны, исторический опыт показывает, что в городах могут формироваться районы, отличающиеся своими социальными характеристиками, которые конкурируют друг с другом и дух соперничества может доминировать над сотрудничеством. Переселенцы с сохранившимися клановыми традициями способны были противостоять тем, которые таковые утратили или имели их в ослабленном виде. Ситуация Северо-Западного Кавказа показывает, что в связи с отбытием основной массы автохтонного населения в качестве мухаджиров в Османскую империю в здешних городах в то время отсутствовали крупные массивы такового с его установками на родовую сплоченность, а вновь прибывшие, в силу изначальной маргинальности своего положения, а также относительной конфессиональной однородности (в основном это различные течения христианства), по необходимости осваивали как объединявший всех русский язык, так и стремились придерживаться тех требований, которые шли от российской администрации. Сама же она, придерживаясь доминирующей роли православия, лояльно смотрела на пестроту христианских деноминаций, которые еще с начала XIX в. рассматривались ею как более предпочтительные по отношению к исламу¹ [6].

В быстрорастущих центрах Предкавказья происходила выработка новых традиций, складывавшихся под влиянием плюралистичной и демократичной в своей основе культурной среды. В этих условиях в конце XIX – начале XX в. рождалась новая ментальность жителей российских городов региона, для которой были присущи такие качества, как: открытость, терпимость, самостоятельность, социальная активность, инициативность, тяга к образованию. На данное явление обратил внимание хорошо знакомый с местной жизнью выдающийся этнограф, лингвист, революционер и литератор В.Г. Богораз (Тан), написавший в 1913 г.: «Я, признаюсь, питаю пристрастие к провинциальным городам, особенно на юге... Новороссийск, Екатеринодар, Майкоп, Армавир. Эти новые степные города с разноплеменным населением, отсутствием традиций, жадным стремлением к школе и каким-то стихийным недовольством и духом оппозиции, представляют как будто ячейки, в которых зарождается и быстро вырастает новая русская раса и новая жизнь» [7].

Вплоть до конца 1860-х гг. в большинстве городов Кубани преобладало этнически однородное восточнославянское казачье и военное население. Исключением являлся только Ейск, изначальное заложенный в качестве портового и торгового города, привлекавшего представителей разных народов. Только в пореформенный период, в связи с указанными выше процессами, этнический состав жителей городов региона резко усложняется.

Спецификой Черноморской губернии была большая, чем на Кубани неоднородность населения, причем не только в городах, но и в сельской местности. После переселения большинства причерноморских адыгов, убыхов и южных абазин в Турцию на опустевших землях в 1860-е гг. стали размещать кубанских казаков и отставных матросов Черноморского флота. Однако непривычный

¹ Об этом говорит, в частности опыт покровительства центральной и, разумеется, кавказской администрации, шотландцам-кальвинистам, проповедовавшим Евангелие среди горцев (колония Каррас) под Пятигорском.

климат (высокая влажность субтропиков, летняя жара, обилие малярийных паразитов, вызывавшие во время военных действий XIX в. большие потери в личном составе российской армии; не лучше обстояло дело и на Северо-Восточном Кавказе [8]), сложный горный ландшафт, бездорожье, неудовлетворительная организация борьбы с эпидемическими заболеваниями (дизентерия, холера, тиф), препятствовали успешной колонизации прибрежной полосы. По этой же причине приток сюда русских крестьян-земледельцев также оказался весьма ограничен. В итоге в регионе формируется очень пестрое население. Рядом с русскими и адыгами на побережье обосновались армяне, греки, грузины, турки, чехи, немцы, эстонцы и др. Все эти обстоятельства наложили зримый отпечаток и на специфику состава населения городов «Кавказской Ривьеры».

Этнические группы населения городов Кубани и Причерноморья имели разную степень организации. В качестве объединяющих факторов могли выступать: корпоративная профессиональная ориентация, территория компактного проживания, национальные учебные заведения, политические группы и партии, просветительские и благотворительные общества, собственные органы внутреннего самоуправления и т.п. Однако важнейшим институциональным условием сохранения национальной идентичности в дореволюционный период являлась религия. На Северо-Западном Кавказе, как и во всей Российской империи, представители разных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих духовных нужд.

Храмы различных конфессий крупнейших центров Кубани и Причерноморья в 1910 г. [9]

Города и важнейшие пункты	Храмы и молитвенные дома													
	Православные			Католические		Протестантские		Армянские		Мусульманские		Иудейские		Всего храмов
	Церкви	Монастыри	Часовни	Церкви (костелы)	Молитв. дома	Церкви (кирки)	Молитв. дома	Церкви	Молитв. дома	Мечети	Молитв. дома	Синагоги	Молитв. дома	
Екатеринодар	13	-	5	1	1	1	1	1	1	-	-	1	1	26
Ейск	9	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	10
Майкоп	6	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	1	9
Темрюк	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	7
Анапа	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
сел. Армавир	2	1	1	-	1	-	1	3	-	1	-	-	-	10
ст. Лабинская	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Новороссийск	4	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	1	1	9
Сочи	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Туапсе	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1

Этническая неоднородность населения стала главным фактором формирования поликонфессионального многообразия культурной среды городов региона. Проживавшие здесь представители различных народов часто придерживались разных вероисповеданий. Например, русские, греки, болгары, грузины исповедовали православие; армяне являлись приверженцами Армянской Апостольской церкви; немцы и эстонцы были лютеранами; поляки и чехи – католиками; евреи – иудеями; северокавказские горцы, татары, персы – мусульманами.

Поскольку основную массу горожан Кубани и Причерноморья составляли глубоко религиозные русские люди, то здесь повсеместно сооружались православные церкви и часовни. Как правило, главный соборный храм возвышался на центральной площади города рядом с важнейшими учреждениями, торговыми рядами или рынком. Самые величественные православные храмы региона располагались в Екатеринодаре: Войсковой Александро-Невский собор (освящен в 1872 г.) и крупнейший на Кубани Екатерининский собор (освящен в 1914 г.). Огромный Михайло-Архангельский собор был возведен в 1865 г. в Ейске [10; 11]. Строились церкви «всем миром», на средства, собираемые простыми горожанами и пожертвования богатых благотворителей.

Помимо главного собора, жители отдельных районов города старались воздвигнуть

собственную капитальную церковь, собирая для этого деньги обычно на протяжении многих лет. Свою лепту в строительство храма стремился внести каждый, так как в этом видели залог спасения своей души. Для отпевания умерших и совершения поминальных служб храмы возводились также на главных кладбищах. Кроме общедоступных приходских церквей в городах имелись и небольшие «домовые» церкви, действовавшие в помещениях учебных заведений, приютов, богаделен, больниц, тюрем и других учреждений.

Количество храмов зависело, прежде всего, от размеров города. Так в 1910 г. в столице Кубанской области Екатеринодаре действовали 18 православных храмов, в том числе 1 собор и 5 домовых церквей. В Ейске в это же время имелось 9 церквей, а в Майкопе – 6. В дореволюционном Новороссийске было 5 православных храмов. Столько же их находилось и в Армавире [12; 13; 14; 15].

Церковь оказывала огромное влияние на души и умы своих прихожан. Православное вероучение воспитывало в людях чувства милосердия и сострадания, призывало к помощи нуждающимся. Святые евангельские заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» жили в сердце каждого искренне верующего православного человека [16]. В значительной степени именно эти постулаты определяли уважительный и доброжелательный характер в отношении русских жителей Кубани к людям иной этнической принадлежности.

В тех городах, где формировались крупные общины армян, возводились армяно-григорианские храмы. В начале XX в. больше всего таких культовых объектов находилось в Армавире (церкви: Успенская; Святых Петра и Павла; старая Георгиевская и новая Георгиевская) [17]. В религиозной обрядности коренных жителей Армавира черкесо-гаев отражались их тесные культурные взаимосвязи с адыгами.

Христианство черкесских армян было глубоко синкретичным, переплетаясь с адыгскими языческими традициями и элементами ислама. Увидеть это можно было в храме, или непосредственно рядом с ним. Не желая отказываться от привычных горских традиций, коренные армавиры иногда пытались добиться у священников благословения на совершение кровной мести. Один из распространенных в Армавире обычаев «вызывания дождя» заключался в том, что во время засухи несколько пожилых черкесских армянок, накинув на себя железные надочажные цепи (это был, в данном случае, глубоко драматический жест! У горских женщин одевание надочажной цепи – очень почитаемого предмета в доме¹ - на шею, или опоясывание ею (осетины) является символом глубокой скорби: так делала вдова последнего представителя семьи, сопровождая покойника на кладбище; выражение «чтобы ты надела на шею свою очажную цепь» считалось у осетин самым тяжелым проклятием) [18], трижды обходили церковь, поливая землю водой и обливая собравшихся зрителей. Подобные традиции существовали и у городского мусульманского населения других районов Северного Кавказа, например в Дагестане. Здесь еще в первой половине XIX в. А.А. Бестужев-Марлинский в были «Мулла-Нур» описал обряд вызывания дождя местными жителями г. Дербента [19]. Эти факты показывают то, как непросто происходил процесс расставания горожан-автохтонов с традиционными обычаями, обрядами, привычками, закрепленными вековой практикой.

В XIX – начале XX в. Армавире службы в храмах проводились на армянском языке, совершенно непонятном для подавляющего большинства черкесо-гаев. По этой причине, священники переводили тексты молитв и проповедей на черкесский, чтобы слова их были услышаны прихожанами. Влияние ислама на религиозную жизнь армавирских армян проявлялось в том, что многие мужчины перед молитвой совершали омовение. Старики обычно приносили с собой в церковь намазлык (коврик для намаза), который подкладывали под ноги во время богослужения. Постепенно по настоянию армянских священников эти традиции, напоминавшие о прежней жизни черкесо-гаев в горах Закубанья, исчезали.

Кроме Армавира армянские храмы также действовали в Екатеринодаре, Майкопе, Ейске и Новороссийске.

Трудами поляков-католиков, а в Причерноморье также и чехов, в некоторых городах возводились костелы. Так, 11 декабря 1894 г. в Екатеринодаре открылась каменная римско-католическая церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии. В начале XX в. духовным очагом поляков Майкопа был костел во имя Святого Антония де Падуа, а в Армавире – костел Ченстоховской иконы Божией Матери. В Новороссийске, где кроме поляков было много чехов, действовал католический храм во имя Святой Анны [20].

Горожане немцы, являвшиеся в большинстве своем выходцами из российских поволжских губерний и Прибалтики, придерживались протестантского вероучения. Ими были построены кирхи в Екатеринодаре, Ейске и Новороссийске, а в Армавире – лютеранский молитвенный дом [21]. Особенно красивой и обширной была лютеранская кирха Святых апостолов Петра и Павла в Новороссийске, возведенная в 1908 г. по проекту именитого московского зодчего Оттона фон-Дессина. Сооруженный из дикого камня в строгих формах средневековой романской архитектуры с

¹ Надочажная цепь – символ домашнего очага; если кровнику удавалось прикоснуться к надочажной цепи, он переставал быть таковым.

высоко возносившимся над колокольней острым шпилем этот храм был хорошо виден из самых отдаленных уголков города, рождая живописный образ «маленькой Германии» на берегах Черного моря [22].

Вместе с христианами в городах Кубани и Причерноморья проживали мусульмане и иудеи. Несмотря на свою малочисленность, представители этих вероучений свято хранили свою духовную культуру и не испытывали притеснений в религиозной сфере. Не имея первоначально стационарных храмов, приверженцы ислама свободно совершали богослужения в наемных помещениях или просто на открытом воздухе. Например, 3 марта 1896 г. в день мусульманского праздника Орудж-Байрам в доме екатеринодарского купца Лю Трахова состоялось торжественное богослужение, на которое собрались «представители разных племен магометанских вероисповеданий, состоящие на службе в Екатеринодаре, - более 300 человек, в том числе из Анапского резервного батальона 30 солдат, а также чины Кубанской горской постоянной милиции 50 человек в полной парадной форме, во главе с командиром сотни этой милиции». Впоследствии Лю Трахов выстроил в Екатеринодаре на территории своего имения небольшую двухэтажную мечеть, ставшую религиозным центром мусульман города [23].

В Новороссийске в конце XIX в. турки, работавшие на строительстве старого цементного завода, свои религиозные праздники отмечали в небольшом саду возле бараков, в которых проживали. За этим местом на многие десятилетия закрепилось название «Турецкий сад».

Большую часть мусульман Армавира составляли казанские татары, которые в 1910 г. построили здесь кирпичную соборную мечеть с 3-х этажным минаретом. Местные мусульмане ощущали себя полноправными членами семьи народов России, отмечая в храме не только свои религиозные, но и общегосударственные праздники и даты. Так, накануне всероссийских торжеств, посвященных 300-летию династии Романовых, мулла мечети Г.К. Байгильдеев обратился к своим единоверцам с призывом: «Вообще, у нас принято молиться Богу за здоровье Государя Императора и Его Августейшее семейство. 21-го же февраля сего года исполняется трехсотлетие царствования в России дома Романовых, потому я, мулла армавирской соборной мечети, приглашаю всех мусульман, живущих и временно проживающих в Армавире, прийти 21-го февраля к 12 часам дня в мечеть вознести Богу молитву, за упокой Государей Императоров дома Романовых, заботившихся о распространении и укреплении нашего Отечества – России и о благоденствии благополучно царствующего Государя Императора... и всей Августейшей семьи и за спокойствие и процветание нашего Отечества – России. Каждый верноподданный мусульманин обязан откликнуться на это предложение...» [24]. В дореволюционный период мусульманская мечеть действовала также в Майкопе [25]. Рассматривая ранее такие факты мусульманского верноподданничества по отношению к православному самодержцу, специалисты отмечали, что оно складывалось в русле феномена «российскости», когда лояльность государству в подавляющем большинстве российских мусульманских общин традиционного направления (чаще всего, суннитского толка) ставилась (по умолчанию) выше религиозно-конфессиональных предпочтений и прямых установлений Корана [26].

В Екатеринодаре и Новороссийске членами еврейской общины были построены капитальные синагоги. Иудейские молитвенные дома действовали также в Майкопе и Темрюке [27].

Как государственные, так и местные власти оказывали верующим различных конфессий действительную помощь в организации духовной жизни. Для возведения храмов городские управы безвозмездно отводили земельные участки, выделяли небольшие субсидии, содействовали в обеспечении строительства необходимыми материалами. Особенно интенсивно сооружение православных и иноверческих храмов в городах Кубани и Причерноморья велось в начале XX в. Так, только в одном 1908 г. в Новороссийске были построены армяно-григорианская церковь, немецкая лютеранская кирха и еврейская синагога. В этом же году здесь шло сооружение католического костела [28].

В издававшихся в Екатеринодаре «Кубанских календарях» (похожие справочники публиковались также в Ставрополе и Владикавказе) каждый год по месяцам подробно указывались как православные, так и армяно-григорианские, лютеранские, католические, мусульманские и иудейские религиозные праздники. В такие дни верующие различных исповеданий поздравляли друг друга, желая своим друзьям и соседям благополучия и здоровья. Примечательно, что в Армавире в знак взаимного уважения и согласия во время православных и армяно-григорианских праздников местные армянские и русские торговцы, отставив интересы прибыли, закрывали свои магазины. Терпимое и доброжелательное отношение к людям иной веры стало обычным явлением в городах региона.

Межэтническое согласие и приверженность к общему Отечеству проверялись на прочность в наиболее критические периоды истории государства, особенно, в военные годы. Одним из моментов, продемонстрировавших степень единства и солидарности народов региона, стало начало Первой мировой войны в 1914 г. В это время представители почти всех национальных групп заявили о своей безоговорочной поддержке государства перед лицом внешней угрозы. В православных и армянских церквях, костелах и кирхах, мечетях и синагогах на разных языках верующие возносили молитвы о победе русского оружия и благополучии Российского государства [29].

Заключение

На Северо-Западном Кавказе, как и в масштабах всей России, усилиями властей, несмотря на декларируемое главенство православия, фактически поддерживался и защищался религиозный плюрализм, обеспечивалась возможность развития всего многообразия национальных культур. Эта коренная особенность нашей державы сохранялась в веках и служила цементирующим фактором государственного единства. В его основе лежало восприятие России в качестве своего Отечества подавляющим большинством проживавших здесь народов.

На Кубани и в Причерноморье (как и в других районах Северного Кавказа) в исследуемое время складывались важные основы полиэтничной и многоконфессиональной этно-культурной среды, которая служила важнейшей опорой центральной власти, продолжала и продолжает играть свою стабилизирующую роль для устойчивости социума как во всем Отечестве, так и нашем регионе и в советское время, и в современную эпоху. Одновременно необходимо отметить, что важнейшим условием благополучного существования этой многоэтничной среды, живущей в соответствии традициями сотрудничества и мирного сосуществования, главным гарантом таковых является российская власть. Любые потрясения и неурядицы, которыми грозят т.н. «цветные (майданные) революции», могут необратимо нарушить межэтноконфессиональный мир, как в стране, так и в регионе. Это налагает особую ответственность на российские властные структуры, а также побуждает историков страны вести постоянную работу по воспитанию молодежи в духе уважения к традициям других народов и сохранения социальной стабильности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках базовой части государственного задания высшим учебным заведениям и научным организациям в сфере научной деятельности в рамках проекта № 944 Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России: проблемы универсализма и идентичности.

Примечания:

1. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. С. 167, 178.
2. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье... С. 173-175.
3. Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 41.
4. Ктиторов С.Н. Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX – начало XX в.). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 15.
5. Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство... С. 44.
6. Mamedov M. From Civilizing Mission to Defensive Frontier. The Russian Empire's Changing Views of the Caucasus (1801–1864) // Russian History. 2014. Volume 41. Issue 2. P. 142-162.
7. Тан. Кубанская Америка (из недавних поездок) // Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1913. 10 марта. № 64.
8. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2011. С. 124-125.
9. Города России в 1910 году. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. С. 950-953. Приведенные в вышеуказанном официальном справочнике сведения по некоторым городам не вполне точны. Например, в данных по Екатеринодару количество храмов отдельных конфессий продублировано в графе «Молитвенных домов», хотя речь идет об одних и тех же объектах. В станице Лабинской кроме 2-х православных церквей также было зафиксировано 2 старообрядческих и сектантских молитвенных дома.
10. Михайлов Н.Т. Ставропольская губерния и Кубанская область. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1911. С. 229, 234.
11. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.). Справочник. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 141.
12. Города России в 1910 году... С. 950-953.
13. Екатеринодар-Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1993. С. 320.
14. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). Армавир: Скорина, 2002. С. 198-199.
15. Селиверстова Л. Церкви г. Новороссийска. Середина XIX – начало XX вв. // Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. Исторические записки. Вып. 2. Новороссийск: Краевое издательство «Северный Кавказ», 1996. С. 155-165.
16. Stephen M. Norris. «The East is a Delicate Matter»: Russian Culture and Eurasianism // The Russian Review. April 2015. Volume 74. Issue 2. P. 187-190.
17. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). Ереван: Тигран Мец, 2009. С. 10-14.

18. Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд. – М.: Наука, 2004. С.331.
19. Дударев С.Л., Дударев Д.С. Об одном «языческом» обряде у мусульманского населения Дербента, описанном А.А. Бестужевым // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. – Армавир: АФГОУККИДППО, 2010. С. 14-18.
20. Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. Б.м., [1917]. С. 60-61.
21. Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв. Исторический справочник. Ч.1. СПб.: Гуманитарное информационное издательское агентство «Литера», 2001. С. 50-53.
22. Герасименко А., Санеев С. Новоросійськь – от укрепления к губернскому городу. Краснодар: Эдви, 1998. С. 402.
23. Бардадым В.П. Открытки на память. Краснодар: Советская Кубань, 2005. С. 149, 157.
24. Приглашение // Отклики Кавказа. Армавир, 1913. 17 февраля. № 40.
25. Нефляшева Н. О первой мечети в городе Майкопе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/16225> (дата обращения: 25.11.2014 г.).
26. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа) / С.Л. Дударев, Д.С. Дударев, О.В. Ктиторова и др. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С.88, 89.
27. Города России в 1910 году... С. 950-953.
28. Герасименко А. История Новороссийска в открытках (конец XIX – начало XX века). Краснодар: Эдви, 1998. С. 12,17,18.
29. Ктиторов С.Н. Солидарность народов России в переломные моменты истории: начало Первой мировой войны // Вопросы южнороссийской истории: Научный сборник. Вып. 12. Армавир-М.: ОАО «Армавирское полиграфпредприятие», 2006. С. 82-86.

References:

1. Priymak Y.V. North-Eastern Black Sea coast in internal and external processes of the formation of the southern borders of Russia (the end XVII – first third of XIX century). Armavir: Poliprint, 2011. P. 167, 178. (In Russian).
2. Priymak Y.V. North-Eastern Black Sea coast... P. 173-175. (In Russian).
3. Dudarev S. L., Klichnikov Y. Y. the City as a space of socio-cultural adaptation of the population of the North Caucasus in the process of implementation of the Russian modernization project. – Pyatigorsk: psu, 2014. P. 41. (In Russian).
4. The Churchwardens Of S. N. Ciscaucasian ethnic communities of the city: problems of adaptation and identity (second half of XIX – beginning of XX century). Armavir: Design Studio B, 2014. P. 15. (In Russian).
5. Dudarev S. L., Klichnikov Y. Y. the City as a space... P. 44. (In Russian).
6. Mamedov M. From Civilizing Mission to Defensive Frontier. The Russian Empire's Changing Views of the Caucasus (1801–1864) // *Russian History*. 2014. Volume 41. Issue 2. P. 142-162.
7. Tan. Kuban America (of recent visits) // Azov region. Rostov-on-Don, 1913. March 10. №. 64. (In Russian).
8. Pylkov O. S. the Russian army in transformation processes in the North Caucasus (end of XVIII – first half XIX century). Armavir: SP Shurigin V.E., 2011. P. 124-125. (In Russian).
9. City Russia in 1910. SPb.: Tipo-lit. Nurkina, 1914. P. 950-953. (In Russian).
10. Mikhailov N. T. The Stavropol province and Kuban region. Handbook of the Stavropol diocese. Ekaterinodar: Typography Kuban regional Board, 1911. Pp. 229,234. (In Russian).
11. Temples and monasteries of the Stavropol diocese (1843-1920 years). Guide. Stavropol: Bureau news, 2012. P. 141. (In Russian).
12. City Russia in 1910... P. 950-953. (In Russian).
13. Ekaterinodar-Krasnodar: two centuries of the city in dates, events, memories... materials for the chronicle. Krasnodar: Krasnodar book. publishing house, 1993. P. 320. (In Russian).
14. The Churchwardens Of S. N. The history of Armavir (pre-Soviet period: he 1839-1918). Armavir: Skaryna, 2002. P. 198-199. (In Russian).
15. Seliverstova L. Church of Novorossiysk. The middle of the XIX – beginning of XX centuries. // Novorossiysk state historical Museum reserve. Historical note. Vol. 2. Novorossiysk: Regional publishing house «the North Caucasus», 1996. P. 155-165. (In Russian).
16. Stephen M. Norris. «The East is a Delicate Matter»: Russian Culture and Eurasianism // *The Russian Review*. April 2015. Volume 74. Issue 2. P. 187-190.
17. Armenian Church of the Russian Empire (1717–1917). Yerevan: Tigran Mets, 2009. P. 10-14. (In Russian).
18. Kaloev B.A. Ossetians: historical-ethnographic study. 3-e Izd. – М.: Nauka, 2004. P. 331. (In Russian).

19. Dudarev S.L., Dudarev, S.D. About a «pagan» ritual for the Moslem population of Derbent, described by A.A. Bestuzhev // Archeology, Ethnography and local history of the North Caucasus. – Armavir, AFGOUKKIDPPO, 2010. P. 14-18. (In Russian).
20. Directory of clergy and churches of the Tiraspol Roman Catholic diocese in 1917. B. M., [1917]. P. 60-61. (In Russian).
21. Knyazeva E.E., Solovieva G.F. Lutheran churches and parishes in Russia XVIII-XX centuries Historical guide. Part 1. SPb.: Humanitarian information publishing Agency «Litera», 2001. P. 50-53. (In Russian).
22. Gerasimenko, S. Saneev Novorossiysk – from strengthening to provincial city. Krasnodar: Advi, 1998. P. 402. (In Russian).
23. Bardadym V. P. Cards for memory. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 2005. P. 149,157. (In Russian).
24. Invitation // The Responses Of The Caucasus. Armavir, 1913. February 17. № 40. (In Russian).
25. Neflyasheva N. About the first mosque in the city of Maikop. [Electronic resource]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/16225> (accessed on 25.11.2014). (In Russian).
26. Problems of integration of ethnic communities in the Russian state and ways of their solving (on the example of Northern Caucasus) / S. L. Dudarev, D. S. Dudarev, O. V. Ktitorova, etc. Armavir: Design Studio B, 2014. P. 88, 89. (In Russian).
27. City Russia in 1910... P. 950-953. (In Russian).
28. Gerasimenko Novorossiysk History in postcards (the end of XIX – beginning of XX century). Krasnodar: Advi, 1998. P. 12, 17, 18. (In Russian).
29. The Churchwardens Of S. N. The solidarity of the peoples of Russia in the crucial moments of history: the beginning of the First world war // problems of Russian history: a collection of papers. Vol.12. Armavir-Moscow: OAO «Armavir polihraftehnica», 2006. P. 82-86. (In Russian).

УДК 94 (470.6)

Формирование конфессиональной инфраструктуры городов Кубани и Причерноморья в контексте развития кросс-культурного диалога (середина XIX – начало XX в.)

¹ Сергей Леонидович Дударев

² Сергей Николаевич Ктиторов

¹ Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация
352900, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Р.Люксембург, 159
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dudarev51@mail.ru

² Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация
352900, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Р.Люксембург, 159
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Аннотация. В статье исследованы проблемы развития межконфессионального диалога в контексте формирования полиэтничного состава жителей городов Кубани и Причерноморья конца XIX – начала XX в. Изучены организация и специфика религиозной жизни русских, армян, немцев, поляков, татар, евреев и представителей других этнических сообществ городов региона. Показан процесс развития в урбанизированной среде интенсивной кросс-культурной межконфессиональной коммуникации, который складывался на основе взаимного уважения и тесного сотрудничества. Проанализированы конструктивные модели взаимодействия и сотрудничества представителей различных вероисповеданий. Охарактеризована конфессиональная структура населения важнейших городских центров региона и показаны процессы храмового строительства. Обоснован вывод, что усилиями государственных и местных властей, несмотря на декларируемое главенство православия, фактически поддерживался и защищался религиозный плюрализм, обеспечивалась возможность развития всего многообразия национальных культур.

Ключевые слова: религия, конфессиональная инфраструктура, аккультурация, религиозный плюрализм, этноконфессиональная структура, кросс-культурная коммуникация, этническая толерантность, российскость.